

Надежда Вишневецкая

1937-й, 1989-й...

...В 1988 году ко мне неожиданно обратились из КГБ с просьбой рассказать, что я знаю о Фридрихе Максимилиановиче Нётере. Оказывается, Герман Нётер прислал из США письмо М.С.Горбачеву с просьбой сообщить о судьбе отца. Работники томского и новосибирского управлений КГБ разыскивали людей, которые знали Ф.М. Нётера. В их числе оказалась и я. Дело Фридриха Максимилиановича пересматривалось, пришлось разговаривать несколько раз, естественно, заходил разговор и о Льве Александровиче Вишневецком. Я увидела, что к моему отцу относятся с большим уважением молодые люди - новые работники КГБ. В конце 1988 года Ф.М.Нётер был реабилитирован. А в нынешнем, 1989 году, мне выдан ^{новое} справка - ^{еще раз} дело о Л.А.Вишневецком пересмотрено, вынесено постановление о его прекращении за отсутствием события преступления...

...Сейчас кажется удивительным, ^{тогда, в 1937-м году} НОЯ, студентка последнего курса университета ничего тогда еще не понимала и не интересовалась окружающей обстановкой. Теперь думается, что родители оберегали меня от этого понимания. Но почему муж и друзья=студенты никогда не говорили со мной ни о каких политических процессах, это остается непонятным. Может быть, молодежь тогда была аполитична? Похоже, что так.

С 1935 года мы жили в доме, принадлежавшем Научно-исследовательскому институту математики и механики при университете. ^{В прежние времена} ~~В этом доме (улица Советская, 43) в 1935 году жил Фридрих Нётер.~~ ^{Этот дом (ул. Советская, 43) сохранился и по сей день (прим. редактора).} ~~В этом старом купеческом доме. Во втором этаже, очень хорошая квартира принадлежала...~~

и изразовосма печали
 тира с ванной, а в первом — контора с довольно низкими над зем-
 лей окнами и несоразмерно высокими потолками. Из конторы сдела-
 ли квартиру самой нелепой планировки: четыре комнаты, три корри-
 дора и девять печей! Но квартира большая и с ванной, а в Томске
 того времени таких было немного. Когда городские власти переда-
 вали дом НИИМФУ, считалось, что в этом доме будет директорская
 квартира. Но в это время по рекомендации ленинградского профес-
 сора Я.И.Френкеля*) отец пригласил в Томск Фридриха Нётера. Лев
 Александрович решил: второй этаж Нётеру, а себе ^{приспособить} первый. Наша
 квартира, несмотря на всю ее несуразность, вызвала, как оказа-
 лось потом, зависть у отдельных лиц.

... С приходом Гитлера к власти Ф.Нетер и другие крупнейшие
 физики и математики неарийского происхождения — М.Борн**), Р.
 Курант***) , Д.Франк****) , Э.Нётер*****) и многие другие, были
 изгнаны из Геттингенского университета. Изгнанные профессора бы-

*) Френкель Яков Ильич (1894—1952), физик-теоретик, член-коррес-
 пондент АН СССР, специалист во многих областях физики (ферромаг-
 нетизм, ядерная физика, ^{Теория твердого тела} кристаллическая физика) и др.)

**) Борн Макс (1882—1970) — один из создателей квантовой механики,
 иностранный член-корреспондент АН СССР. Лауреат Нобелевской пре-
 мии. Эмигрировал в Великобританию.

***) Курант Рихард (1888—1972) — математик, крупный специалист по
 теории конформных отображений, математической физике, дифференциаль-
 ным уравнениям, популяризатор науки. Иностраный член АН СССР. Эми-
 грировал в США.

****) Франк Джеймс (1882—1964) — физик, участник создания атомной
 бомбы, иностранный член-корреспондент АН СССР. Лауреат Нобелевской
 премии. Эмигрировал в США.

*****) Нётер Эми (1882—1935) — математик, одна из создательниц со-
 временной общей алгебры. Эмигрировала в США.

ли настолько большими учеными, что Геттингенский университет, слава которого создавалась веками, по словам известнейшего математика Давида Гильберта (арийца!) перестал существовать от изгнания таких евреев. Некоторые ученые из Германии в то время приехали в Советский Союз. Среди них был и брат Эмми Нётер, Фридрих. Их ~~отцом~~ отцом был Макс Нётер, тоже профессор, и тоже математик, специалист в области алгебраической геометрии. Поэтому Фридриха у нас не совсем точно стали звать Максимilianовичем.

Итак, мы жили в одном доме с Нётером. Его сыновья Герман и Готфрид, "нетерята" как их называли в шутку, молодые люди моего возраста, учились в Томском университете, быстро научились говорить по-русски, вошли в мою студенческую компанию. В 35-м и 36-м годах мы бездумно веселились, танцевали, играли в "третий лишний", в "индюшку", разыгрывали шарады, ходили вместе к моим подругам, встречались на теннисной площадке.

Летом 36 года, когда мы с мужем возвращались домой, погостив у его родителей, на вокзале нас встретил Герман на своей машине. Красивая немецкая машина, ~~очень~~ светлая, цвета кофе с молоком, внутри - красный сафьян, белые ручки. Дома - корзина роз, светлая мамина улыбка (папа - в командировке). Все светло, и будущее кажется светлым - скоро окончим университет, а потом - научная работа, в этом не возникало ни тени сомнения.

Но постепенно начала замечать, что папа очень устает, из своих постоянных командировок в Москву и Ленинград возвращается не таким окрыленным, как прежде. Вижу, что ему почему-то очень трудно, думаю - просто много работы, и забываю, что ее всегда было много, но она всегда радовала... А кругом - аресты, это уже невозможно не замечать. Мама в тревоге: "Лева, что же это происхо-

дит? Я боюсь за тебя, боюсь из-за твоего директорства. В ответ шутила: "Моря на директоров я не замечал, ведь берут по специальностям то инженеров сажали, то еще кого, а сейчас моря на бухгалтеров настал". "Не шути, Лева, страшнее что-то творится". "Со мной ничего не может случиться, это учреждение не ошибается, они же меня знают".

Его и в самом деле там знали — ведь засекреченный институт всегда находился под наблюдением НКВД, Лев Александрович встречался с человеком, который, повидимому, вел это наблюдение. Звали его Александр Александрович Романов. Папа иногда упоминал о нем, как о положительном человеке, с которым имел какие-то дела. Однажды Романов даже был в гостях у моих родителей.

"Это учреждение не ошибается? Наверное, все-таки ошибается, — подумала я. — Но ведь в самом деле — Романов!" Но я не остановилась на этих мыслях. А сейчас думаю, что скорее всего папа говорил так, чтобы успокоить нас. Я вообще только сейчас понимаю, какой глупой девочкой, недостойной своего отца, была я тогда... Я не догадывалась, как обстановка становилась все более напряженной, как она угнетала отца...

Отец, да и почти весь НИИИМ занимался баллистикой. А она еще не стала модной наукой, никто не знал ее будущего — разве думали тогда "простые люди" о космосе? И многих, очень многих, отпугивала закрытость тематики. Талантливая молодежь неохотно шла в НИИИМ. А раскрытый смысл и содержание работы в нем до того, как человек дал на нее согласие, папа не имел права. Однажды он обратился ко мне с просьбой помочь уговорить моего сослуживца Колю работать в НИИИМе после окончания университета. Коля был самым близким другом не только моим, но и всей нашей семьи. Я возмутилась: "С какой стати талантливый физик-теоретик пойдет в НИИИМ?" Папа попробовал объяснить, что именно такой физик ему и нужен, что институту очень нужны космонавты, что сумеет сделать работу Колю интересной. Но я осталась глуха к просьбе отца. Разве я понимала, что значит, когда в 1937 году директору говорят: "Почему у вас мало космонавтов?"

✓ прослойка? — кому?

Лев Александрович

✓ Люди не щадили его, приходили с делами домой. То Н.П. Романов^{ж)} категорически, чуть ли не с угрозами, требует новую квартиру, не хуже, чем у ^{кас}этца и у Петера, и, получив отказ, говорит:

— Я вам этого не забуду, вы у меня еще вспомните эту квартиру!

✓ То Фридрих Максимилианович просит найти кобидза¹ для жены, страдающей от отсутствия в Томске католической церкви. То вдруг Герман просит уладить что-то в каком-то магазине с какими-то продуктами. Германа, правда, я быстро выгнала:

✓ — Оставьте моего папу в покое, пусть Фридрих Максимилианович, если захочет, говорит об этом кому надо в институте.

— Но в нашей семье я занимаюсь хозяйством.

— Ну и занимайтесь им у себя дома!

Герман уходит...

— Ты очень невежлива, Надусечка, — замечает папа. — Не надо было так.

Но, кажется, он доволен моей защитой...

Вот такая чепуха сыплется с разных сторон на директора института. А у него и административная работа, и руководство молодыми учеными, и лекции. К ним готовится, ~~начиная~~ начиная с позднего вечера, любит работать ночью (да днем и времени нет). Часов до двух, до трех ночи мама поддерживает горячий ~~вид~~ самовар и носит ему в кабинет крепкий чай.

...Однажды папа приходит удивленный, посмеивается:

^{ж)} Романов Николай Павлович (1907–1973), профессор, доктор физико-математических наук, работал в Томске и Ташкенте, специалист в области теории чисел и теории функций комплексного переменного. (прим. редактора)

- Ну и удивил меня Николай Георгиевич, - (юриисконсулт уни-
 верситета Н.Г.Соловьев), - трус ужасный и чудацк. Входит ко мне
 в кабинет с испуганным видом, ^{на предель} озирается и говорит: "Выпишите
 мне, пожалуйста, два литра спирта". Я так растерялся, что мол-
 ча подписал поданную им бумажку, но тут же вышел вслед за ним
 в коридор: "Что случилось? Какой спирт? Почему?" - "Спирт для
 отвода глаз", отдает бумажку и достает что-то из кармана: "Вот,
 возьмите, тут вся моя зарплата, отдайте Мусеньке", - (Марфия
 Антоновна, жена Николая Георгиевича), - там два архангела за
 мной пришли". - "Какие архангелы? Зачем деньги? Что такое?" -
 "Шам, в бухгалтерии, два архангела, это за мной, я знаю, я чув-
 ствую". Наконец, объяснил: архангелы, это значит из НКВД. Но его
 не взяли, приходили по какому-то другому поводу. Удивительно, по-
 чему он так уверен? И жалко его, и смешно - спирт и архангелы.

Арест Тухачевского показался мне громом с ясного неба. Отец,
 связанный с Артиллерийской академией и ГАУ (ГАУ - Главное артил-
 лерийское управление РККА), хорошо знал о деятельности Тухачевс-
 кого и понимал ее смысл. Прочитав в газете об аресте, он был по-
 трясен.

- Что же это? Нет, не верю, Тухачевский не может быть врагом.
 Как может допустить это Сталин? Кто же такой Сталин? Говорят,
 гений? А, может быть, он страшный мерзавец? Тухачевский!? Ужас-
 но... А он такой красивый, я его видел...

Словом "красивый" Лев Александрович обозначил ~~здесь~~, конечно,
 не внешность, а в целом личность Тухачевского, который, впрочем,
 и внешне, действительно был красив...

Запомнился мне ярко приезд отца из последней командировки, пе-
 чальный тон его рассказа о людях в Москве и Ленинграде.

- Орлова нет в Наркомпресе, других нет, кого я знал. Везде

- Знаю, видел, - ответил не слишком приветливо Яков Ильич. - А вот из института она сбежала неизвестно куда, хорошо, что хдть к вам пришла.

Дело в том, что я уже успела поссориться с ним - мне не понравилась работа, которую он предложил, и я ушла на много дней. После встречи с Яковом Ильичем у его родителей я пришла в институт с тем же протестом. Немало усилий приложили тогда Яков Ильич и Татьяна Абрамовна Контарова (физик-терретик, сотрудница Френкеля), чтобы уговорить меня заниматься теорией твердого тела. Я не знала этой области науки и была страшно предубеждена против нее, путая теорию твердого тела с физикой твердого тела, наукой, в основном, эмпирической, которой в Томске занимался В. Д. Кузнецов^{*)}. ... Как я тогда сдавшись на добрые уговоры (доброту проявила в основном Татьяна Абрамовна) увлеченно работала почти три месяца! Как просиживала ночи напролет, склонившись у открытого окна над своими тетрадями! Как легко и чудесно из под моего пера лились строчка за строчкой длинные формулы! Как сливались для меня поэзия науки с поэзией белых ночей!

Вернувшись в наш университет, я гордилась, что одна из всех теоретиков выполняла на практике отдельную самостоятельную работу и выполнила ее успешно. Тартакровский^{**)} был доволен присланным ему отзывом. Яков Ильич сказал потом даже много хорошего обо мне, как о начинающем физике-теоретике, добавив: "но ужасно упряма".

^{*)} Кузнецов Владимир Дмитриевич (1887-1963) - физик, академик АН СССР Герой социалистического труда, лауреат Сталинской премии. Его имя носит Сибирский физико-технический институт.

^{**)} Тартакровский Петр Савич (1895-1939) ^{Академик} физик, профессор, зав. кафедрой теоретической физики Томского университета (прим. редактора) ^{в 30-х годах} Ишимо в Томске или были проведены знаменитые опыты по дифракции электронов на поликристаллических

Однако дал понять, что упрямство не мешает ему видеть меня в будущем среди своих ^{учеников и} сотрудников...

И вот теперь я вспомнила все это, слушая папин печальный рассказ. Как светло было еще год тому назад и какое гнетущее тревожное чувство надвигалось теперь!

Вскоре Лев Александрович был отстранен от должности директора института, отклонен единовластно ректором университета Токиным^{*}). Это было трудно понять. НИИММ, как закрытое учреждение, подчинялся непосредственно Москве и тут вдруг — Токин. Странно, но именно так было. Принимал директорство Михаил Иванович Нестеров^{жж}), совсем молодой научный сотрудник, только что окончивший университет. Лев Александрович и удивлен, и оскорблен, но не может побороть обстоятельств. И утешает нас:

— Это хорошо, что Нестеров... Да, конечно, печально, что приходится отдавать институт, много сил потрачено на его создание, столько сделано, так хорошо относились в Москве... А, может быть, еще что-то изменится? Но главное, хорошо, что Миша Нестеров. Он хороший мальчик и способный. Я ему помогу, я постараюсь, чтобы он справился с работой. Я надеюсь, что все будет хорошо в институте. Миша сможет работать. А я обязательно буду ему помогать. Там же еще Глобус есть, — (Глобус — настоящий баллистик, приехавший из Ленинграда, где он заведовал баллистической лабораторией в Артиллерийской академии). — Меньше будет денег у нас. Но ведь это ничего? Правда?

^{*}) Токин Борис Петрович (1900—1984) — биолог, Герой социалистического труда, лауреат Сталинской премии, профессор, известен открытием фитонцидов.

^{жж}) Нестеров М.И. (1908—1974) известен многим читателям-томичам как один из организаторов народного просвещения, работал зав. Томским обл.о, директором института усовершенствования учителей.

- Ну с чем ты говоришь? Деньги - пустяки. Вообще не будем огорчаться, - отвечает мама. - Может быть, тебе спокойнее будет, меньше будешь уставать, это же хорошо.

И тут глупейшим образом выскакиваю я:

- А хочешь, папа, я поступлю на работу, я могу даже бросить университет...

✓ - Опомнись, Надежда! Ты же обижает папу.

Я, кажется, поняла. С этого момента, вероятно, начала всерьез становиться взрослой...

Продолжаются аресты в университете и других вузах. Арестовано много знакомых студентов, арестован Н.Г.Соловьев (теперь уже ни у кого не вызывают улыбку "архангелы", пришедшие за ним ночью). В НИИММЕ арестованы Глобус и Кастров, способные, образованные, нужные институту люди. Уехал Максимович, талантливый молодой ученый. Баллистический сектор института оглянется.

31 октября 1937 года Льва Александровича телефонным звонком вызывают в институт. Идем его возвращения в тревоге. Часа через три приходят трое, предъявляют ордер на обыск. Двое перерывают все в кабинете отца, вытаскивают ящики письменного стола, что-то сыплется на пол, что-то складывают в сумки. Берут револьвер, лежавший в столе. *(как директор института папа имел право носить оружие)* Вынимают из шкафа и забирают охотничьи винтовки и ружья - единственные ценности нашей семьи (папа - любитель охотник и большой ценитель охотничьего оружия), забирают все охотничьи принадлежности - даже ягдташ и сумку - приз, полученный нашей собакой на выставке в дополнение к серебряной медали. Третий человек, простоватого вида, не участвует в обыске, он около нас, а мы бесцельно ходим из угла в угол. Он не останавливает нас, не надседает, но находится здесь, в столовой. Вдруг он близко подходит к маме и полупешотом спрашивает:

- У вас есть золото?

- Есть, вот это, - мама показывает мне колечко с аметистом и бабушкину старинную брошку.

- И это все?!

- Да, больше золота нет.

- Спрячьте, - говорит он также тихо, - к дочери в комнату отнесите, туда не пойдут.

Действительно, никто не пошел туда, да и к маме не помню, заходили ли, разве что заглянули в шифоньер, не перерывая. Возможно, это было поручено третьему, а он сказал, что золота нет и на этом успокоились. Забрали все письма, адресованные Льву Александровичу, все бумаги, только случайные листки, упавшие на пол, остались. Но шкатулку с бабушкиными письмами, стоявшую в ^{напротив} ~~напротив~~ ~~комнаты~~ ~~столе~~ ^{комнаты}, не тронули, а ~~там~~ я потом ^{в ней несколько случайно поковыряла туда} нашла письма, адресованные отцу.

Уходя, кто-то из трех дал нам клочок бумаги с номером телефона:

- Это телефон Александра Александровича Романова, начальника третьего отдела. Завтра можете позвонить ему.

Ушли. В кабинете беспорядок. Пусто, жутко, не страшно, а именно жутко, какое-то гнетущее тяжелое состояние. Мы с мамой совсем одни... Дима ^{мой муж} еще ~~в Свердловске~~ весной уехал к своим родителям, а ^{оттуда} ~~туда~~ Предлагалась, что я поеду к нему, но я, еще провожая его на вокзал, решила, что расстанусь с ним навсегда. Через несколько дней написала об этом ему и его отцу. Ответ Димы был: "Не глупи, приезжай, мамуленька тебя ждет". В ответ я отправила посылкой его вещи. Больше писем не было. В Томске много лет ходили слухи, что муж оставил меня из-за ареста папы. В 38 или 39 году мне прислали свидетельство о разводе, хотя я и не подавала заявления.

и вот

~~А тогда, 31 октября,~~ мы с мамой одни, как на необитаемом острове. Нет слез, нет сил говорить. Тишина. Единственное физическое ощущение у меня — холод в голове, ужасный холод. Не могу уйти в свою комнату. Подвигаю диванчик в столовой к печке. Ложусь спать, почти прильнув к голове к печке...

На другой день звоню Романову. Назначает день и час, когда можно прийти к нему и принести передачу. Чувствую, что теперь все должна делать я, я, а не мама. Мама, всегда такая бодрая, жизнерадостная и жизнеспособная, мама, на которой держалась семья, энергия которой помогла нам выжить в тяжелейшие голодные годы в Крыму, на этот раз пала духом, сразу вся поникла и потеряла волю...

Очередь у окошечка в комендатуре, помещение полутемное. Все мы одинаково печальны, тревожны и молчаливы, но я отличаюсь от других тем, что несу не узелок, а чемодан и, главное, подойдя к окошечку ничего не спрашиваю, а говорю: "Я Вишневская, к Романову". Мне дают пропуск. Я ходила туда несколько раз. Запомнились некоторые эпизоды.

Первое посещение. Довольно большой кабинет. Романов сразу открыв мой чемодан и взглянув на содержимое, начинает кричать на меня, бегая по кабинету, как зверь в клетке:

— Что вы принесли такое?! О чем думаете? Воображаете, что у них там ножи и вилки есть? Что, он этот хлеб ломать должен? Как он этот сыр есть будет, грызть что ли от большого куска? Сосображать надо!

Стою в растерянности, все еще ничего не принимая. Посмотрел на меня внимательнее и начал объяснять более спокойно, но все еще шагая по кабинету:

— Нарезать нужно было все, сделать бутерброды. Им ведь не

дают нэжей, там тэлько ложки. Пэнимаеце?

Втэлкавал дэстатэчно старатэльно, прэшла мая этэрэпэ.

— Скажыце, Александр Александрэвич, в чэч абвныяют папу и как я мэгу ему пэмэчэ?

— В чэч абвныяют, этэ вас не касаеця. Ваше дэло прынэсць перэдачы, мэжэце запыску перэдатэ, эн этвэтит. Вэт расчэску вы не дэгадалясь прынэсць...

— У негэ вэсгдэ в карманэ грэбэнка.

— Ну, значыт, пэтэрэял, прынэсць.

— Прынэсу, нэ я не аб этэм. Я абсэлютно увэрена, чтэ папа не мэг сдэлатэ нчэгэ плэхэгэ. Прэзэшлэ какая-тэ ужасная эшыбэка, энэ кэначнэ, выясннытэя, нэ я дэжыв, я абязана пэмэчэ этэму выяснэныю. Скажыце мнэ, чтэ я дэжывна дэлатэ.

— Вы нчэгэ не дэжывы и не мэжэце сдэлатэ. Мы бэз вас равбэрэмэя. Запэмннытэ этэ.

...В эдын из мэых прыхэдэв мнэ запэмннылась дэрэга к кабннэту. Сэвэршэнно не пэмню, как в другые дны я шлэ эт кэмэндатурэ дэ кабннэта, нэ в тэт раз этчэтлыво пэмню бэлышэ тэмннй кэрндр, вперэдн — лампэчка. Кэрндр пэчэму-тэ прэзвэднт гнэтущэе впэчатлэныэ, какэ-тэ бэзэтчэтннй стрэх. Стэны запэмннылись чэрннмы, хэтэ в полумраке я не мэгла вндытэ их цвэта. Вдрус экрнк: "Стэ-й!" Двэ тэмнны фнгуры, на мэнэ с двух стэрэн — не рыдэм, а нэмнэгэ вперэдн — направлэны дула револьвэрэв. Не вскрнкнула, не испугалась: слншкэм пэдавлэна самым кэрндрэм, чтэбы пугатэ-ся нэжндыннэстн. Мгнэвэнно эстанэвнылась, пэставнв на пол чэмэдан. Скэлько сэкунд нлн мннут прэшло, не знэю. "Идытэ дальшэ". Прэшла, пэднэялась по лэстннцэ (не пэмню, на этэх, нлн на двэ, нлн вэсэгэ на нэскэлько ступэнек), вэшла в кабннэт Рэмэно-ва...

В кабинете этом пришлось мне побывать не раз...

Удивительно, но Романов проявлял с нас заботу.

— Экономьте деньги. Несите в передачу что-нибудь попроще, вы ведь целую камеру кормите, а потом самим есть нечего будет.

Когда я однажды сказала, что меня не принимают на работу, он тут же позвонил в учреждение, которое я назвала (не помню уж, какое именно). Я наивно надеялась, что это поможет, но звонок не возымел действия. Трудно сказать, надеялся ли сам Романов на такую помощь, но тогда я была уверена в этом.

после 31 октября
Я в первые же дни решила, что нужно уйти из университета, пока меня не исключили, и устроиться на работу. Пришла с заявлением в приемную ректора. Токин вышел поговорить со мной. Очень любезно поздоровался, пригласил сесть рядом:

— Я удивлен, как это так? Вы студентка пятого курса, накануне государственных экзаменов подаете заявление об отчислении. Что случилось?

— Я дочь Льва Александровича Вишневецкого, арестованного на днях.

Токин вскачил, как ужаленный, и, не промаясь, скрылся за дверь. Через несколько секунд секретарь вынесла подписанное им заявление. Канцелярия выдала мне справку об окончании пяти курсов. Страшно тяжело было оторваться от любимого университета — ведь легкомыслие, с которым я еще так недавно бросила слова, что могу его оставить, бесследно прошло.

Всего доброго!

Через две недели после ареста Льва Александровича был арестован Ф.М. Нетер. Герман и Готфрид не заходили к нам после 31 октября ни разу. Мы не видели даже Настю (их прислугу), которая в хорошие времена часто медляла с какими-нибудь хозяйственными делами. Ну а теперь Настя, вероятно уволена.

Зато на другой же день после ареста ^{Лили} звонок — профессор Н.П.

тавить, бесследно прошло. Теперь появилось гнетущее чувство оторванности от людей.

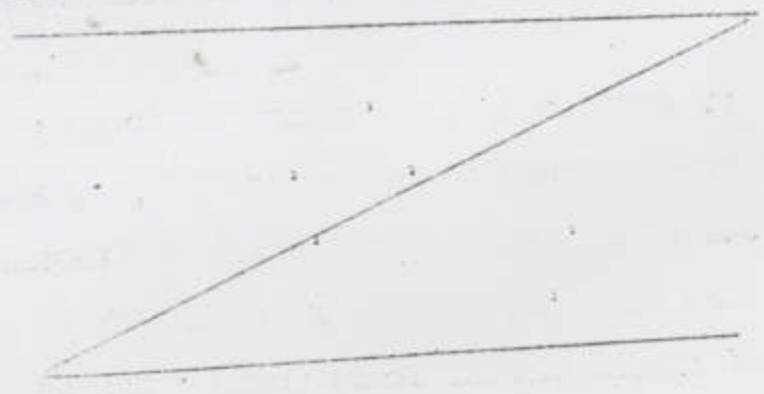
Встретив в университете Колю, сказала ему о нашем несчастье. И Коля, который постоянно бывал у нас, всегда был внимателен и участлив к любым моим переживаниям, тут вдруг моментально нашел какой-то предлог и скрылся от меня. Долгое время спустя, когда мы с мамой уже жили на другой квартире, я встретила с ним на улице. Я вышла с тяжелым узлом из НКВД, а Коля шел из театра с женой. На пустынной ночной улице он не побоялся подойти ко мне, взял мой узел и, отправив жену домой, пошел провожать меня. Мы шли почти молча. У дома остановились.

- Тебе, конечно, очень трудно живется, я понимаю, сочувствую. От тебя ведь, вероятно, все отворачиваются, это, конечно, очень тяжело.

- Не беспокойся. Не все такие мерзавцы, как ты, - ответила я. Больше я его не видела до 47-го года....

Через две недели после ареста Льва Александровича был арестован Ф. Нетер. Герман и Готфрид не заходили к нам после 31 октября ни разу. Мы не видели даже Настю (их прислугу), которая в хорошие времена часто мелькала с какими-нибудь хозяйственными делами. Ну, а теперь Настя, вероятно, уволена.

На другой же день после ареста папы звонок - профессор Н.П.

Романов вдвоем с университетским завхозом пришли осматривать квартиру. Мама не впустила его:

- Вы прекрасно знаете эту квартиру, не раз в ней бывали. - Она захлопнула дверь перед носом профессора.

Зная, что семьи арестованных обычно выселяют, я однажды спросила А.А.Романова, как мы должны поступить.

- Никуда пока не переселяйтесь и никого не пускайте в квартиру. Когда нужно будет, я скажу, куда переселиться, для перевозки вещей дадим рабочик и машину.

Так и было сделано. Одновременно нас и сыновей Нетера переселили. Нам дали большую комнату в трехкомнатной квартире такой же семьи, как наша, где тоже был арестован отец. Мальчики Нетеры получили две маленькие комнатки в доме на той же Краснойармейской улице, что и мы. Скоро мы узнали, что бывшую квартиру Нетеров занял начальник ИВД Овчинников, а наду - А.А.Романов. Через несколько месяцев Герман зашел проститься с нами: обрм братьям было приказано собраться в 24 часа и ехать за пределы Советского Союза. Куда поедут? Они сами точно не знали. Предполагали, если удастся, уехать в США к родным Эмми Нетер... Итак, крупный математик Ф.М.Нетер, ушедший от Гитлера, подавший заявление о советском гражданстве, арестован, а его сыновья высланы...

Ищу работу. Повсюду слышу отказы, но не теряю надежды. В то время в школах и техникумах города было много учителей физики и математики с незаконченным высшим образованием. Но я всюду встречаю насмешливые взгляды и слышу ответы: "Мы не принимаем из семей репрессированных", "Нам не нужны враги народа", "Вас никто не лишает права на труд - идите работать в прачечную". Директор одного из техникумов Постников^(*) ответил вежливыми словами: "Нам ну-

* Постников Михаил Васильевич (1907-1989) - директор топографического техникума, позднее - секретарь Томского облисполкома, зав. кафедрой геодезии и ректор Томского инженерно-строительного института, с 1974 г. - персональный пенсионер. (прим. редактора).

*) Овчинников Иван Васильевич (р. 8.11.21), инженер-техник Томского ГО. ИКВД, директор по безопасности. Награжден орденом Ленина. Расстрелян в 1940 году за измену.

жны преподаватели только с законченным высшим образованием". Но этот ответ был дан таким ледяным тоном и сопровождался таким ледяным взглядом, что ранил больше, чем слова о врагах народа и о прачечной. Людей, говоривших эти грубости, я совсем не помню, не помню даже тех, кто откровенно смеялся мне в лицо, но Постникова, его лицо, его позу и даже расположение дверей, окна и письменного стола в его кабинете я запомнила на всю жизнь.

В конце зимы 37-38 года А.А. Романов сказал мне:

- Принесите Льву Александровичу его теплую охотничью одежду: валенки, тулупчик, меховую шапку. Его отправляют в Новосибирск, - он назвал день и час отъезда. - Можете пойти на вокзал, вы там увидите его издали. Но я не советую этого делать - поговорить с ним вам не дадут, не дадут подойти, вам будет тяжело. Лучше поезжайте в Новосибирск через месяц, отвезете передачу, вот телефон начальника третьего отдела в Новосибирске. Там вам, возможно, дадут свидание. Обязательно поезжайте, а на вокзал ходить я не советую.

Я не пошла на вокзал. Для меня естественно было слушаться Романова. Я слышала о нем много хорошего от Евдокии Михайловны Поповой, папиной бывшей студентки и дипломницы, жившей в общей с ним коммунальной квартире. Хорошее говорилось о его отношении к людям и даже (может быть, косвенно) к разгулу репрессий. Слышала хорошее и от других людей, в том числе и родственников репрессированных.

И вот я в Новосибирске. Пришла, чтобы остановиться на несколько дней, к Невским - нашим бывшим соседям по Томску, я всегда останавливалась у них в прежнее время. Рассказала Елене Константиновне о нашем несчастье, оставила вещи и ушла куда-то. Вернувшись, услышала:

- Надечка, постарайтесь остановиться где-нибудь в другом месте. Николай Иванович говорит, что мы не можем принять вас, это опасно, он очень обеспокоен. Извините, Надечка, не обижайтесь, я бы с удовольствием, но Николаю Ивановичу это может сильно повредить, он боится.

Я взяла чемодан и пошла искать пристанище. Через адресные бюро нашла Клавочку Шебляеву, свою скурсницу. Клава приняла меня, как родную. И в этот, и в последующие приезды я останавливалась у нее.

Новый следователь, Василий Алексеевич Нарфенз. Принесла передачу: продукты, белье, как всегда, но на этот раз еще и книги, математические, которые просил папа. Книги - всегда радость, ~~еще~~ ~~еще~~ математика - тем более... У Льва Александровича к математике было особое отношение. Баллистика - интересная работа, необходимая в данное время, а математика - постоянная любовь, это поэзия, это живое существо. Мне кажется, что-то мистическое было в его глубокой любви к этой науке, и он чувствовал вину перед математикой за вынужденный уход в баллистику. Он сделал это ради спасения той же математики. В 1929 году физмат университета стоял на пороге закрытия. Во всей стране тогда закрывали физматы, требовалась наука, служащая промышленности, а чистая математика была "не нужна". Но Лев Александрович превратил свое побочное увлечение баллистикой в мощный цит для чистой математики - кафедра начала работу на сборную страны! Во всей стране оставалось тогда только четыре университетских физмата, среди них - томский. Но сам Л.А. Бишневский вынужден был отойти от чистой науки - баллистика (и наука, и административная работа) требовала слишком многого. В минуты неудовлетворенности, тоски, живавший Лев Александрович говорил жене:

- Я буду заниматься математикой. Правда, Вера, ведь я буду заниматься? Конечно, буду! - В этих словах была и надежда на лучшее будущее, и признание вины в измене любимой науке.

...Итак, у Парфенова. Вхожу в маленький кабинет. Слева, у стены - письменный стол, справа - диван, прямо против двери окна, одно или два. Парфенов значительно моложе Романова, ему, вероятно, лет сорок, ^{может быть, и меньше,} ~~небольшим~~. Человек интеллигентного вида, с мягкими манерами, вежливый. Приглашает сесть. После первых нескольких фраз подходит к раскрытому мной чемодану (там, кроме белья, бутерброды, сыр, масло, апельсины, сигары), с удивлением берет в руки маленькую металлическую коробочку:

- А это что такое?

- Бульонные кубики.

- И что вы только придумываете? Зачем ему эти кубики? Ну где он будет с ними возиться? Что с ними делать?

- Ничего с ними не нужно делать, растворит и выпьет, это же питательно.

- Как растворит?

- Да ведь дают же им кипяток! - ~~интересно~~ возмущенно возражаю я.

- Ки-пя-ток-то да-ют, - отвечает Парфенов со вздохом. - Ну, пусть растворит в кипятке. Только ведь ему нужнее лук, чеснок, махорка, простые дешевые папиросы. Ведь у них там цынга. Я не ^о могу позволить передачу всем, разрешаю только Льву Александровичу, а он делится со всеми. Обязательно принесите дешевое курице, лук, чеснок.

Я, конечно, принесла все в следующий раз, но только теперь я со стыдом вспоминаю, как мало этого было - я не представляла себе, сколько людей в камере.

Как ранее Романову, как и везде, я и теперь, у Парфенова, не склоняю голову с виноватым видом, говорю, что уверена в абсолютной честности и невинности моего отца, что ошибку необходимо выяснить и что я хочу помочь, хочу участвовать в ее раскрытии. Ответ Парфенова был аналогичен ответу Романова, только более деликатен. ^А На вопрос, что же может быть с отцом, чем все это может кончиться, он ответил:

— От нуля до бесконечности.

Я подумала, что так мог бы ответить математик, так по другому поводу мог бы сказать пана. Мне почудилось доброжелательное отношение этих двух людей. Я сказала, что не могу найти работу, слышу грубые отказы, вижу сплошную несправедливость. Ответ Парфенова был неожиданным:

— Вы не можете найти работу? Думаю, что по специальности вам работать не удастся. Несправедливо? Плохо? Да, плохо. Не только вам плохо. Вы думаете, мне хорошо? Я инженер, я люблю свою специальность, а меня вот посадили в это кресло и заставили разговаривать с арестованными. Думаете, мне это приятно?

— Как так заставили?

— Я коммунист, есть партийная дисциплина. Что-то непонятное происходит, везде что-то непонятное, — кажется, он даже сказал Не непонятное, а страшное, — Я сам ничего не понимаю, и сам не знаю, что будет со мной завтра. Единственное, что я могу вам обещать, это то, что пока я здесь, вы не потеряете связи с отцом. Пишите ему короткие письма и посылайте на мое имя, он будет отвечать. Пока я здесь, — еще раз подчеркнул Парфенов.

Он назначил день, когда я могу встретиться с папой. Свидание было в том же кабинете, мы с отцом сидели на диване, а Парфенов напротив за столом. Я удивляюсь такту этого человека. Он не мешал нам и не казался наблюдателем — будто добрый знакомый, случайно зашедший в дом, знакомый, с которым можно заговорить, если захочешь, а можно и совсем не обращать на него внимания. Мы так и делали, не чувствуя никакого гнета.

Одним из первых вопросов папы был:

— А Бера не приехала?

Больно мне стало, когда я поняла, что папа ждал нас обещания, конечно, огорчен. Не помню точно, как объяснила я отсутствие мамы, вероятно, так и сказала, как было: не знала, что можно обещать, не знала вообще, дадут ли свидание. Так уж у нас с мамой сложилось — она писала записки, а я их относила. Сейчас я удивляюсь, что у нас даже не возникал вопрос ^{не поехать ли вместе.} ~~о совместной поездке~~. А, может быть, мама и думала об этом, да не хотела меня затруднять...

Позднее папа говорил:

— Нам нужно точно договориться, где вы будете жить, останетесь ли в Томске или вам лучше уехать. Возможно меня будут некоторое время возить в разные города, а потом освободят, нужно, чтобы я сразу мог найти вас.

Я обещала, что мы останемся в Томске. На мои вопросы об условиях его жизни, отец отвечал охотно:

✓ — Здесь гораздо легче, ~~еще~~ в Томске камера была очень переполнена, а здесь свободнее, воздух лучше. Здесь баня, в бане стирают белье. Каждый день прогулка. И ехал я сюда с комфортом, вдвоем с конвоиром в отдельной купе. В дороге хорошо отдохнул. Здесь ларек есть, можно кое-что купить. Но у меня денег не было, тут всем помни-

✓

дают деньги, но редко кто имеет белье, а у меня все наоборот, ты мне приносишь белья больше, чем я возвращаю, и я только один в камере оказался без денег. Меня один человек попросил продать ему рубашку, я продал...

✓

Здесь Парфенев подал реплику:

- Конечно, деньги передавать разрешается. Вы принесли хорошие передачи, а деньги передать не догадались.

- Ты мне, правда, ~~приносишь~~ все очень вкусно приносишь. Василий Алексеевич не разрешает мне все унести в камеру, видишь, твой чемодан здесь; вызывает меня сюда, и я тут ем.

✓
✓

- Конечно, не разрешаю. Лев Александрович там все раздаст, а самому ничего не останется. Вот сегодняшний ваш лук да чеснок унесет в камеру, а уж апельсины, сигары не дам туда.

Мы с мамой, живя очень скромно на деньги от продажи вещей, старались послать эту все самое лучшее. К счастью, по своей необыкновенной наивности в денежных делах, он не догадывался,

что мы-то не ели апельсинов... ~~Всего 15 строк~~

Зашла речь о моей работе и об окончании университета. Папа был очень огорчен, узнав, что я оставила университет.

- Но ты не должна забывать физику. Если не сможешь сейчас, то потом окончишь, но никогда, никогда не оставляй физику, - и столько тревоги было в его голосе! - А про то, что трудно будет устроиться на работу, мне говорили. Тут со мной находятся очень практичные люди, они говорят, что тебе нужно стать маникюршей...

- Это очень хороший совет, - вступает в разговор Парфенев, - ремеслу этому можно научиться, постарайтесь устроиться в парикмахерскую.

что мы-то апельсинов не ели...

Папа, конечно, спрашивал, как мы живем, и очень грустно сказал:

- Представляю, как вам тяжело, от вас ведь, наверное, многие отворачиваются. Кто около вас? Ну, Коля, конечно, с вами, в нем-то я не сомневалась...

- Он-то как раз и отвернулся, - и я рассказала о встречах с Колей.

- Так кто же около вас? Ну, Евгеньевы, конечно, испугались, отвернулись...

- Опять ошибаешься, папа. Евгеньевы сразу пришли, как только узнали. Тебе понравились теплые носки, из шарфа сделанные? Это Нина Евгеньева тебе сделала.

Зашла речь о моей работе и об окончании университета. Папа был очень огорчен, узнав, что я оставила университет.

- Но ты не должна забывать физику. Если не сможешь сейчас, то потом окончишь, но никогда, никогда не оставляй физику, - и столько тревоги было в его голосе! - А про то, что трудно будет устроиться на работу, мне говорили. Тут со мной находятся очень практичные люди, они говорят, что тебе нужно стать маникюршей...

- Это очень хороший совет, - вступает в разговор Парфенов, - ремеслу этому можно научиться, постарайтесь устроиться в парикмахерскую.

- Василий Алексеевич, вероятно, прав. Пусть хоть какая работа, только физику не бросай, читай, занимайся. Вот хорошо, что мне книги теперь разрешили. Я буду заниматься математикой.

Так непринужденно беседуем и вдруг входит кто-то новый (Молдэвский, как я потом узнала). Парфенюв уходит, обещав вернуться, а тот остается. Это - зверь, и по виду он зверь, с рыжими торчащими волосами и злыми глазами. И именно в эти минуты я вновь сказала:

- Я уверена, папа, что ты ни в чем не виноват, и всем это говорю.

- Я виноват... Я очень виноват, я должен был заниматься математикой.

■ При первом слове "виноват" грубый окрик:

- Нельзя о деле!!! Ничего о деле нельзя!

Я поняла отца с полуслова - это все то же глубокое, нежное и, может быть, мистическое отношение к науке. Как будто избранная наука мстит за измену! А тут и в самом деле вроде "мести". Ведь арестован тогда, когда сталинская коса косила военных и всех, работающих на оборону, значит, в самом деле из-за баллистики.

Окрик был страшный, лицо страшное. Я вздрогнула, но мы ответили одновременно, папа с покорным спокойствием:

- Это не о деле, это о математике

А я в возмущении:

- При чем тут дело!

Мы провели в присутствии Молдэвского каких-нибудь три минуты, ^{но это была мука} Теперь, вспоминая прошлое, вспоминая дважды сказанные Парфенювым слова: "Пока я здесь", я понимаю, что Василий Алек-

сеевич уже тогда чувствовал, что ему грозит что-то очень плохое и что его сменит Молотовский. Кажется, Парфенов потом был арестован и попал в лагерь. В 41 году он убит на войне.

На прощанье папа еще раз сказал:

- Обещай, что никогда, ни при каких обстоятельствах не оставишь физику. - На лице отца была грусть, но не было следов болезни и измученности, только цвет лица желтоватый, как бывает, когда мало воздуха.

Мы простились. Я обернулась, уходя, и видела, как папа шел по коридору, спустив голову, в правой руке он нес небольшую сумку с чесноком и луком, а левой прижал к груди ^птачки - мой подарок. Так и запомнился он мне на всю жизнь - больше я его никогда не видела.

Вскоре мы послали папе деньги и письмо на имя Парфенова. Ответа не получили. А в следующий мой приезд вместо Парфенова был Молотовский. Он сказал, что Л.А.Вишневский переведен в тюрьму (до этого он все время находился в подвалах НКВД). Отнесла передачу в тюрьму. Вместо обычной записки с несколькими ласковыми словами было перечислено все, что я передала. Почерк меня удивил. Сказала дежурному:

- Это чужой почерк.

- Нет, он писал. Неудобно ведь писать, вы что думаете, у нас столы и стулья? На бревне каком-нибудь примостился.

Когда я вернулась домой, мама сказала, что, судя по почерку, отец тяжело болен. Белье, которое мне вернули в тюрьме, я не развертывала, отдала маме. Она долго стирала, вернулась из кухни расстроенная, встревоженная:

- Знаешь ли, белье ужасное, никогда такого не было. Вероят-

но, у папы какое-то кожное заболевание. Пятна на белье какие-то.

Больше мы не говорили, во всяком случае, избегали говорить об этом пугающем белье и странной записке. Осталась тревога. Но это было потом, по возвращении домой. А в Новосибирске я снова побывала в бывшем кабинете Парфенова...

Стол на новом месте — против двери. Полутемно, вероятно, из-за темных штор. В кабинете трое. Молозовский и еще кто-то за столом, третий слегка в стороне. Горит настольная лампа с рефлектором. Мне указывают стул, стоящий у самой двери, а не кресло у стола, как бывало у Парфенова. Сахусь, лампу поворачивают ко мне, свет в глаза. Трое остаются в полумраке, я почти не вижу их. Мне задают вопросы, бегло, то Молозовский, то его сотрудники. Бросают вопросу, как мячик, не давая подумать. Ощущение неприятное, тревожное, но не потому, что не дают подумать, как ответить, а потому что не вижу "собеседников", куда бы не повернулась — свет мешает. Думать, к счастью, не надо — меня спрашивают о каких-то родственниках в каких-то городах, а у меня их просто нет, кроме единственной маминей сестры в Абакане. Все это продолжалось недолго, может быть, минут десять... *Не могу вспомнить, подписывала ли проforma, да и была ли ок?*

В следующий мой приезд в Новосибирск я нес нашла отца. Молозовский по телефону ответил:

— Не знаю, где он.

Позвонила начальнику третьего отдела, сказала об этом ответе.

✓ — Молозовский не знает? Как это не знает? — Это было сказано удивленно и сердито. — Позвоните ему через десять минут, будет знать.

Через десять минут Молотовский ответил грубо скороговоркой:
 — Десять лет без права переписки, отстаньте, не мешайте ра-
 ботать!

Только теперь я потеряла уверенность в благополучном исходе,
 потеряла надежду на ^{скорое} возвращение отсюда. И поверила в десять лет,
 окончательно поверила в ужасающую несправедливость, которую
 нельзя победить, никак нельзя, никакими силами. Это было в 38-м
 году, осень...

После разговоров с Парфеновым и свидания с мамой я продолжа-
 ла попытки устроиться на работу. Выучилась делать маникюр, пош-
 ла предлагать свои услуги в парикмахерские, но там надо мной
 только смеялись... В один из приездов в Новосибирск зашла в Обл-
 ОНО. Запомнилась мне там немолодая женщина, показавшаяся мне
 очень красивой (до сих пор помню ее большую косу, уложенную на
 голове). Эта женщина, вероятно, зав. или зам. зав. ОблОНО, го-
 ворила со мной доброжелательно, сочувственно, что было для меня
 так ново. Она сказала, что скоро в Томск придет инспектор и он
 устроит меня на работу в школу взрослых. Величайшей благодарно-
 стью переполнилось мое сердце — ведь к тому времени я научилась
 ценить доброжелательство чужого человека. Обещание было исполне-
 но.

В 1939 году, когда Берия сменил Ежова, некоторое время люди
 стали узнавать что-то о своих родных, показалось, что меньше
 становится вакханалии. Мама написала письмо президенту АН СССР
 В.М.Комарову. Письмо было передано через профессора И.И.Прива-
 лова^{**}, папиного лучшего друга, жившего в Москве. Иван Иванович

^{**} Привалов Иван Иванович (1891—1941) — член-корреспондент АН
 СССР, специалист в области теории функций, автор ряда учебников
 для вузов, в том числе выдержавшего 30 изданий курса "Аналити-
 ческая геометрия" (прим. редактора).

написал нам, что Комаров пошел к Берии. Довольно скоро из канцелярии Берии пришла бумага о том, что в Новосибирске дадут справку. Я опять поехала туда...

Молодой человек в большом красивом кабинете открывает папку с делом Льва Александровича. Насколько могу видеть, в ней всего две бумажки, может быть, три.

✓ - Ваш отец ни в чем не виноват, но он умер и следствие было прекращено. - Занимает ^{занимает} врачебную справку: - Умер от туберкулеза и присоединившегося колита.

...Я не падаю в обморок и не плачу, не понадобилась и пригвожденная следователем вода - я часто плачу по пустякам, но нет слез в остром горе.

- Дайте мне справку о том, что отец не был виноват.
- Справку мы вышлем вам в Томск.

✓ Я ждала эту справку до 1954 года. Тогда, после смерти Сталина, я обратилась к начальнику Томского УКГБ Великанову^{#)}. Он сказал, что знал Л.А. Вишневецкого^{Был в его лаборатории в Иркутске}, а через неделю или десять дней мне была выдана справка о прекращении дела за недоказанностью преступления. Но это было в 1954 году, а тогда, в 1940, я не знала чему верить - умер или десять лет без права переписки. Кому верить? Романову, решила я. Нашла его в Новосибирске, где он работал прорабом на какой-то стройке. Александр Александрович сразу узнал меня и быстро повел куда-то в сторону. Остановились в углке за грудками кирпича. Я рассказала ему все.

- Кто был последний следователь?
- Молотовский.
- А, Молотовский... Значит, Лев Александрович умер. Умер,

^{#)} Подпись лейтенанта госбезопасности Великанова стоит на документе, послужившем основанием для ареста 5 мая 1937 года выдающегося русского поэта Николая Клюева (прим. редактора),

верьте этому. — Романов ушел, безнадежно махнув рукой и не простившись...

✓ Моя дальнейшая жизнь сложилась трудно. Я не была безработной, но пришлось сменить около пятнадцати мест работы. Я принимала, что жизнь была бы легче, если бы я намекала, что отец это ^(или хотя бы указывал свое отношение) знает, а я, мол, другое, и я ничего не знаю, я сама по себе. Но я поступила как раз наоборот, я подчеркивала, что я дочь все-го отца, который заслуживает глубокого уважения. Я жила в постоянном страхе увольнения, я всегда была неполноправна, но никогда не отрекалась от себя. Только во время войны я вдруг почувствовала себя равной с другими людьми. Меня послали ^{на временную работу} в находившуюся тогда в Томске Ленинградскую военную академию связи преподавать на подготовительном сборе. Я проработала лето и начальник кафедры профессор Д.Н. Наследов ^{*)} предложил мне перейти на постоянную работу лаборантом. Это казалось счастьем, на которое я не могла рассчитывать — ведь я зачумленная!

— Подавайте заявление, Надежда Львовна, — сказал он, — я уверен, что командование Академии знает о вашем отце гораздо больше, чем вы сами. Думаю, что вы будете приняты в штат.

Так и вышло. Работала, как все, даже была объявлена стахановкой. Но после отъезда Академии в Ленинград мое полноправие кончилось. И после окончания университета в 1947 году, и даже теперь, в политехническом институте, остается у меня чувство ущербности, неравенства с другими людьми. ** Но это уже не история, а лишь следствие трагедии 1937 года, а потому — другая тема...

*) Наследов Дмитрий Николаевич (1903–1975) — физик, ~~специалист в области физики и техники полупроводников~~ лауреат Ленинской и Государственной премий (прим. редактора)

** Нужно понять, что люди, родившиеся в том же время, создающие свои взгляды, не менее осведомлены, чем родители их, потому что, к сожалению, не менее осведомлены, чем родители их. Настоящие